влечь поэтессу к сотрудничеству с новым журналом, названным, как и альманах 1924—1927 гг., «Туленкантаят», но отличавшимся от альманаха открытой поддержкой рабочего движения. «Благодарю Вас от имени всех пламеносцев за биографию Лейно, которая является для нас драгоценностью, источником знания и вдохновения,— писала Вала.— ⟨...⟩ Удивлены, как много общего у нас с современниками Лейно. Нам кажется, что та борьба, которую Союз „Молодая Финляндия" вел в свое время, нужна снова. Мы счастливы действовать и работать в „свободной" стране, но иногда кажется, что трудностей сейчас больше, чем во времена отсутствия независимости ⟨...⟩ У нас такое чувство, что Вы — наш единомышленник, и поэтому осмеливаемся обратиться к Вам ⟨···⟩ с просьбой дать что-нибудь для „Туленкантаят". Были бы горды и счастливы, если бы мы смогли привлечь Вас в наше дело» [24]. Неизвестно, ответила ли Онерва на это письмо, но в 1938 г. она выпустила сборник «На границе» («Rajalla»), в котором стихами подтвердила то общее, что было у нее с творчеством Вала. Этим общим была идея активного гуманизма: «...Vapaus, hyvyys, / totuus ja kauneus ⟨...⟩ / milloin ⟨...⟩ / riennätte sammuttamaan ihmiskunnan pitkää nälkää / ja janoa / te olette todella suuria, eläviä sanoja ⟨...⟩» [25, s. 36—37]. (...Свобода, добро, правда и красота..., когда... вы (слова.— *Е. С.*) броситесь утолять долгий голод и жажду человечества, вы поистине будете великими, живыми словами...)

Пламеносцы 30-х годов, от имени которых писала Вала, отличались от своих предшественников. У «новых» пламеносцев с их левыми взглядами была не только литературная, но и политическая программа, направленная против финского национализма и контактов Финляндии с фашистской Германией. Разумеется, в письме Вала выразила и собственные идеи. Примечательно, что поэтесса признает неоромантиков своими единомышленниками и обращается к ним за советами.

В формировании художественных позиций пламеносцев 20-х годов, по мнению ряда исследователей (К. Лайтинен, К. Сааренхеймо, Э. Карху), большую роль сыграл экспрессионизм. Как всякое литературное направление, экспрессионизм был неоднороден. Возникнув в 1910-е годы в Германии, он заявил о себе, с одной стороны, гражданским темпераментом, социальным пафосом, пьесами Г. Кайзера, Э. Толлера, стихами И. Бехера, но с другой — нервной взвинченностью, болезненной деформацией в изображении мира. Творчество экспрессионистов «было не столько изображением мира, сколько импульсом, призывом, криком». У них «не было ничего сказанного вполголоса»,— справедливо замечает Н. С. Павлова [26, с. 273]. Появление экспрессионистского направления исторически оправдано. Мировая война внушала литераторам и художникам ужас перед действительностью. Такая действительность, превратившаяся в бессмысленную бойню, была достойна, на их взгляд, разрушения. Экспрессионисты начали бунтом против всяких литературных традиций и литературы вообще, хотя пафос отрицания, сами того не сознавая, они унаследовали прямо из эстетики символизма, против которого больше всего выступали.

Во Франции к экспрессионизму были близки упоминавшиеся унанимисты с их призывом к человеческому братству, а позже, с конца первой мировой войны, участники движения «дада» (Г. Тзара, Л. Арагон, А. Бретон, Б. Сандрар, П. Пикассо, А. Модильяни), в России черты экспрессионизма проявились в творчестве Л. Андреева, раннего Маяковского, поэтов-футуристов, в живописи В. Кандинского. В Финляндию экспрессионизм пришел через шведоязычных писателей страны — Раббе Энкеля, Э. Сёдергран, Э. Диктониуса, связанных с журналом «Ультра» (выходил в 1922 г.).

«„Ультра" в своей молодой силе! Это именно то, чего я ждала,— писала Катри Вала брату.— С жадностью прочитала в последнем номере о Верфеле, Кете Кёльвиц и Уолте Уитмене. ⟨...⟩ Ты в „Коуволан Саномат", похоже, издеваешься над экспрессионистами. Мне кажется невероятным,